Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Полное собрание сочинений и писем
в трех томах

Издание третье,
исправленное и дополненное

Том 3

ПРОЗА. ПИСЬМА

Санкт-Петербург
Интернет-издание
2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М23

Составитель *А. Г. Мец*

Том подготовили:
А. Г. Мец, К. М. Азадовский, А. А. Добрицын, А. Зумпф (A. Sumpf), Т. В. Котова, Ф. Лоэст (F. Lhoest), С. В. Василенко, Л. М. Видгоф, Е. В. Иванова, М. А. Котова, Т. М. Двинятина

Редактор *Н. Г. Захаренко*

На фронтисписе:
О. Мандельштам. Фотография. Воронеж, 1935(?)

Мандельштам, Осип Эмильевич.
М23 Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. / Осип Мандельштам ; [сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца]. — Изд. 3-е, испр. и доп. — СПб. : ИД «Гиперион», 2020.

Т. 3 : Проза. Письма / [сост. А. Г. Мец ; подгот. текста: А. Г. Мец, К. М. Азадовский, А. А. Добрицын, А. Зумпф, Т. В. Котова, Ф. Лоэст, С. В. Василенко, Л. М. Видгоф, Е. В. Иванова, М. А. Котова, Т. М. Двинятина]. — СПб. : ИД «Гиперион», 2020. — 816 с. : ил.

Третий том Полного собрания сочинений и писем Осипа Мандельштама составили два раздела. В первый раздел вошла проза — многочисленные рецензии и предисловия, дающие широкое представление о Мандельштаме-критике, заметки о театре, кино и другие работы разных лет. Второй раздел составили все известные на сегодня письма поэта 1903–1938 годов, заявления и другие документы биографического характера, ряд которых публикуется впервые.

Том сопровождается обстоятельными комментариями.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Для читателей старше 12 лет

© А. Г. Мец, составление, подготовка текста, комментарии, 2020
© К. М. Азадовский, А. А. Добрицын, А. Зумпф, Т. В. Котова, С. В. Василенко, Л. М. Видгоф, Е. В. Иванова, М. А. Котова, Т. М. Двинятина, подготовка текста, 2020
© Ф. Лоэст, А. А. Добрицын, Г. Р. Ахвердян, Л. Г. Степанова, Г. А. Левинтон, комментарии, 2020

V

К проблеме научного стиля Дарвина
(Из записной книжки писателя)

«...Вспомнил, что это искусство щелкуна нигде не было описано как следует».

Дарвин. Путешествие на «Бигле»

Во все критические эпохи естественные науки были ареной особо ожесточенной борьбы за мировоззрение. Только внимательно изучив историю воззрений на природу, мы поймем закономерность в смене литературных стилей естествознания.

Дарвин не навязывает природе какой бы то ни было цели, он отрицает за нею какую бы то ни было благость. Всего более далек он от мысли приписывать ей волю или разумные зиждущие свойства.

С удивительным постоянством Дарвин дает захватывающие снимки животного или насекомого, застигнутого врасплох в самом типическом для него положении.

«Щелкун, брошенный на спину и приготовляющийся к прыжку, загибает голову и грудь назад, так что грудной отросток выдается наружу и помещается на краю своего влагалища. Пока продолжается это загибание головы назад, грудной отросток действием мышц сгибается подобно пружине; в это время животное опирается на землю краем головы и надкрыльев».

Нам уже трудно оценить всю небывалую свежесть этого описания, которое так и просится на пленку кино. Для того чтобы понять всю глубину художественно-научной революции, осуществленной Дарвином, сравним эту хищную, насквозь функциональную зарисовку жука с одним из описаний Палласа — натуралиста линнеевской школы, автора «Физического путешествия по разным провинциям Российского государства в 1767–1769 гг.»:

«Азиатская козявка. Величиной с сольтицияльного жука, а видом кругловатая с шароватою грудью. Стан и ноги с прозеленью золотые, грудь темнее, голова медного цвета. Твердокрылия гладкие, лоснящиеся, с примесью виолетового цвета — черные. Усы ровные, передние ноги несколько побольше. Поймана при Индерском озере».

Насекомое преподнесено как драгоценность в оправе, как живопись в медальоне.

Систематика Линнея нуждалась в таких описаниях: «предустановленная гармония» в природе постигается непосредственно через классификацию, познавать и восхищаться одно и то же.

«Сие изящное строение сердца с приходящими к нему жилами служит единственным побуждением к кровообращению», — говорит Линней.

Почти столетие отделяет Линнея от зрелого Дарвина. Между ними — Кювье, Бюффон и Ламарк. Структурные и анатомические признаки в натуралистических сочинениях возобладали над чисто живописными приметами. Искусство «миниатюры» Палласа пришло в упадок. Но по существу мало что изменилось.

На место неподвижной системы природы пришла живая цепь органических существ, подвижная лестница, стремящаяся к совершенству. Вместо бога-архитектора (Линней) у деиста Ламарка — конституционный монарх. Классификация, по Ламарку, — нечто искусственное, как бы волосяная сетка, накинутая человеком на разнообразие явлений. Что же остается натуралисту, как не восхищаться по-прежнему, но уже не единичными феноменами природы, а ее классами, расположенными в порядке поступательного развития.

Французская революция оставила глубокий отпечаток на стиле естествоведов. Тот же Бюффон в своих научных трудах выступает в роли революционного оратора. Он восхвалял «естественное состояние» лошадей, ставил людям в пример табуны диких коней, воздавал почести гражданской доблести коня.

А Ламарк, пишущий свои лучшие труды как бы на гребне волны Конвента, постоянно впадает в тон законодателя и не столько доказывает, сколько декретирует законы природы.

Замечательный прозаизм научных трудов Дарвина был глубоко подготовлен историей. Дарвин изгнал из своего литературного обихода всякое красноречие, всякую риторику и телеологический пафос во всех его видах.

Он имел мужество быть прозаичным потому, что имел многое и многое сказать и не чувствовал себя никому обязанным ни благодарностью, ни восхищением.

Лишь сочетание мысли с могучим инстинктом естествоиспытателя позволило Дарвину добиться таких результатов.

Я имею в виду инстинкт отбора, скрещивания и *селектирования фактов*, который приходит на помощь научному доказательству, создает благоприятную среду для обобщения.

«Происхождение видов» состоит из 15 глав. Каждая из них расчленяется на 10–15 подглавок, размерами не больше воскресного фельетона из «Таймса». Книга построена с таким расчетом, чтобы читатель с каждой точки обозревал всё целое труда. О чем бы ни говорил Дарвин, куда бы ни уводили извилины его научной мысли, проблема стоит всегда в своем полном объеме. Факты наступают на читателя не в виде одиночных примеров-иллюстраций, а развернутым фронтом — системой.

Приливы и отливы научной достоверности, подобно ритму фабульного рассказа, оживляют дыхание каждой главы и подглавки. Только в совместном звучании, только в созвеньях научные примеры Дарвина получают значимость. Дарвин избегает выписывать весь длинный «полицейский» паспорт животного со всеми его приметами. Он пользуется природой как великолепно организованной картотекой. В результате — изумительная свобода в расположении научного материала, разнообразие фигур доказательства и емкость изложения.

Дарвин рассказывает о том, как сложилось его убеждение. Так, рассказав о сухопутных хищниках, превращающихся в водных, и пояснив это превращение переходными типами, он тут же оговаривается: «Если бы меня спросили, как некоторые насекомоядные и четвероногие развились в летучих мышей, я бы, пожалуй, смутился. Но это не важно».

Дневник путешествия на «Бигле» с его новым принципом *естественно-научной вахты* продолжается в «Происхождении видов». С тою лишь разницей, что Дарвин протягивает корреспондентские нити к бесчисленным адресатам, несущим ту же самую службу, во все концы земного шара.

Движимый инстинктом высшей целесообразности, Дарвин счастливо избегает «затоваривания» природы, тесноты, нагроможденности. Он на всех парах уходит от плоскостного каталога к объему, к пространству, к воздуху. Это ощутимо даже в самых сухих и служебных звеньях «Происхождения видов».

Чувство цвета у Дарвина больше всего изощряется на низших формах живых существ, где оно приходит на помощь характеристике их строения. В путевом дневнике Дарвина встречаются цветовые характеристики крабов, спрутов, медуз, моллюсков, заставляющие вспоминать самые смелые красочные достижения импрессионистов.

Дарвин строго следит за профилем своего доказательства. В поисках разнокачественных опорных точек он создает настоящие *гетерогенные* ряды, то есть группирует несхожее, контрастирующее, различно окрашенное. Он протягивает координаты от примера к примеру — в ширину, в глубину, в высоту, воздействуя с помощью подлинной *селекции* материала.

«Я назову только три случая: инстинкт, побуждающий кукушку откладывать яйца в чужих гнездах, рабовладельческий инстинкт муравьев и строительство пчелиных сотов».

Автор выхватил из гущи опыта всего-навсего три примера, Первый окрашен *биологически* (размножение), второй — *исторически* (рабовладельчество), третий — *архитектурно* (пчелиные соты).

Блестяще разработанная столетними усилиями терминология в зоологии и в ботанике сама по себе обладает исключительной впечатляющей образной силой. У Дарвина названия животных и растений звучат как только что найденные меткие прозвища.

Дарвина и Диккенса читала одна и та же публика. Научный успех Дарвина был в некоторой своей части и литературным. Читатель испытывал жесточайшую реакцию против всего сентиментального, кисло-сладкого, пуританского. Этот читатель всему на свете предпочитал *характерное,* картинам природы — социальные контрасты. Реализм Чарльза Дарвина пришелся как нельзя более кстати. Его научная проза, с ее биографической сухостью, с ее атмосферической зоркостью, с ее характеристиками в действии, на взрывающихся пачками примерах, была воспринята как литературно-библиографический документ.

Быть может, всего более подкупало читателя то, что Дарвин не расточал литературных восторгов перед законами и тенденциями, которые с такой ясностью утвердил.

Глаз натуралиста — орудие его мысли, так же как и его литературный стиль.

Бодрящая ясность, словно погожий денек умеренного английского лета, то, что я готов назвать «хорошей научной

погодой», в меру приподнятое настроение автора заражают читателя, помогают ему освоить теорию Дарвина.

Окруженный жесточайшими врагами, Дарвин никогда не покидает спокойного уравновешенного тона.

Не обращать внимания на форму научных произведений — так же неверно, как игнорировать содержание художественных. Элементы искусства неутомимо работают в пользу научных теорий.

Никто не сумеет популяризировать Дарвина лучше его самого. Его научный стиль необходимо изучать. Но подражать бесполезно, потому что историческая ситуация, при которой стиль возник, никогда больше не повторится.